

Идрен Сиграл желал одного – любви.

Она была женой, приехавшей издалека. Офелия Мебаса, дочь Дарета Мебасы, короля Ледена, отличалась от него своим происхождением. Идрен был незаконнорожденным ребенком короля, а Офелия – принцессой с правом наследования.

Если бы он лично не убил своего отца и братьев и, таким образом, не стал королем Агланте, он не смог бы написать ей брачное письмо.

Помимо этого, между ним и Офелией было бесчисленное множество других различий. Его черные волосы безошибочно свидетельствовали о незаконнорожденности, в то время как Офелия была воплощением королевской семьи со своими серебристыми волосами.

Он заботился о земле, как о собственном теле, потому что у него не осталось ничего, кроме Агланте, но Офелию не интересовало всё, что у него было, включая Агланте.

Но среди них было предопределено самое заметное различие: Идрен хотел её, а Офелия – нет. Это было видно по её лицу с первого дня их брака.

В ночь свадебной церемонии Офелия сидела на кровати, её слегка затенённые голубые глаза медленно моргали в свете свечей. Как ночное небо без единой звезды, эти глаза отражали его, но и только. В них ничего не было. Ни доброты, ни любопытства, ни даже враждебности.

Итак, Идрену пришлось оправдываться, прежде чем поцеловать её. Сидя рядом с Офелией, он пробормотал, что это правда, что они женаты, но если он ей не нравится, он не будет навязываться ей, а вместо этого подождёт до утра, чтобы заключить брак, чтобы не задеть её достоинство.

Возвращаясь к такому слабому оправданию в первую брачную ночь, её ответ был безразличным.

– Тебе не нужно этого делать.

Офелия сказала ему поступать так, как ему заблагорассудится.

Итак, Идрен поцеловал её очень осторожно. Жена в ответ не оттолкнула его, и он воспринял это как её согласие. Мужчина всё ещё помнил чувства, которые он испытывал бесчисленное количество раз в ту ночь.

Возможно, у Офелии тоже есть желание, чтобы этот брак удался... Не так сильно, как у него, но она могла бы представлять некоторый интерес...

Какой глупой иллюзией это было. Причина, по которой Офелия сказала ему поступать так, как ему заблагорассудится, была проста: независимо от того, вступят они в брак или нет, их отношения не изменятся. Интерпретировать это как её готовность приложить усилия, даже если она его не любит, было полностью его ошибкой.

Цена этого заблуждения была довольно высока. В качестве платы за предположение о чувствах Офелии Идрену пришлось пережить три безнадёжных года. Это были три года, когда он просто пытался казаться ей хорошим.

Только проведя более тысячи дней в пустоте, он понял: глаза Офелии были не небом, а глубокими морскими глубинами. Она никогда бы не показала ему небеса. С таким же успехом его могли сбросить на дно океана.

Осознав правду, Идрен начала приходить в замешательство.

Было ли то, что я делаю, действительно любовью? Действительно ли любовь такая утомительная, разочаровывающая и упрямая?

Но прежде чем эти подозрения смогли превратиться в уверенность, он упустил возможность доказать это.

Примерно в это время умерла Офелия.

Это была мирная смерть. Утром, когда дыхание Офелии прекратилось, лицо её было безмятежным, как у человека, который наслаждался долгим отдыхом. Настолько безмятежным, что горничная, помогавшая ей проснуться, подумала, что её госпожа заснула.

Когда Идрен был проинформирован о ситуации и отправился в покои Офелии, внутри было много людей. Врачи и слуги суетились вокруг, рыцари охраняли вход, контролируя доступ.

Среди такой суматохи Офелия лежала на кровати с очень умиротворенным выражением лица. Слабый румянец проступил на её щеках и губах, нежные руки спокойно лежали на животе. Поэтому сначала Идрен подумал, что она, возможно, разыгрывает его.

Конечно, они с Офелией были недостаточно близки, чтобы шутить. Однако его жена часто доставляла неприятности другим своими плохими выходками. Возможно, она разыгрывала шутку, подобную той, что она разыгрывала с цветочными ценами.

Даже зная этот факт, Идрен почти инстинктивно потянулся, чтобы взять Офелию за руку, чтобы проверить температуру её тела, и выругал себя. Дурак. Если ты будешь держать её за руку здесь, это просто докажет, что она может влиять на тебя, как ей заблагорассудится, не так ли?

Поспешив на место происшествия, услышав, что с другой стороны возникла проблема, Идрен не хотел показывать никаких признаков беспокойства.

Итак, он убрал протянутую руку и позвал её по имени.

– Офелия.

Он говорил холодным тоном. Это было не так холодно, как у Офелии, но у него был свой собственный опыт холодного разговора с кем-либо.

Но женщина не отреагировала на его слова. В этом молчании росло беспокойство.

Офелия всегда была равнодушна к нему, но это не означало, что она затаила злобу. Несмотря на то, что её действия часто казались злонамеренными, Идрен знал правду: Офелия никогда намеренно не игнорировала и не оскорбляла его. У неё просто не было мотивации для этого.

Итак, если бы она услышала его, она бы открыла глаза.

Король облизнул губы.

– Офелия...?

В его голосе, теперь лишённом холода, слышалась нотка паники. Идрен поспешно сжала руку, лежащую у неё на животе.

Он почувствовал холодную плоть.

* * *

То, что выпила Офелия, было чрезвычайно сильным ядом. Название токсина, который мог привести к смерти всего от одного глотка, произошло от румянца, который оставался на щеках и губах умершего в течение суток. Вот почему яд был популярен среди знати. Это было потому, что позволяло умершему, когда обнаруживали его тело, выглядеть изящно.

Врач сказал, что Офелия, вероятно, искала яд по той же причине.

Услышав это, Идрен разразился горьким смехом. Действительно, романтично. Где романтика в том, чтобы лишить себя жизни?

Если бы целью не была его жена, он бы смеялся над ними столько, сколько мог. Но король не мог так издеваться над своей женой. Несмотря на то, что он злился и проливал слезы из-за неё, он не мог заставить себя презирать её.

Итак, он ничего не сказал, и время шло, несмотря на его молчание.

Прошёл месяц с тех пор, как произошёл инцидент, в день смерти Офелии.

Дни трезвости были редкостью. В то время как днём он притворялся, что крепко сидит на троне, он искал алкоголь, как только садилось солнце. Благодаря этому он даже обнаружил привычку к выпивке, о которой раньше не подозревал: это был действительно примечательный образ жизни.

Даже эта привычка к выпивке не была чем-то выдающимся. Он просто крутил кольцо на пальце, большое, золотое, инкрустированное драгоценными камнями кольцо, передававшееся только в роду Сигралов.

Это было кольцо с громким названием «Поцелуй надежды», легендарный предмет, который, как говорили, был частицей бога. Но Идрена не интересовали древние истории. Он повернул кольцо просто потому, что оно было у него на пальце.

В ту ночь Идрен в нетрезвом состоянии крутил кольцо, спотыкаясь, когда шел по коридорам. Это был неподходящий день для прогулки. Королевский дворец находился в северной части Агланте, и даже без учета географических особенностей температура ночью везде понижалась. Но, чувствуя удушье внутри и с лихорадкой на лице, он больше не мог оставаться запертым в своей комнате. Его опьянение сделало его эмоции ещё более искренними, чем обычно.

Проходя через внутренний двор, он достиг небольшого колодца в центре.

Говорили, что серый колодец, покрытый красным мхом, находился здесь с начала династии Сиграл. Теперь, прислонившись к холодному камню, где никто больше не ходил за водой, Идрен надавил на виски. В голове у него пульсировало.

И причиной этой головной боли было одно...

– Офелия.

Бормоча имя умершей женщины, Идрен посмотрела вниз, в колодец.

- Офелия, Офелия.

Он не смог дойти даже до четвертого повторения, прежде чем его вырвало.

- Зачем ты это сделала? – изливал он свою горечь так, как будто человек находится прямо перед ним. – Что тебе не нравилось? Что было настолько неудовлетворительным?

Его сознание затягивало, как будто чёрная дыра колодца была проходом, ведущим к ней.

Сердце, потемневшее почти так же сильно, как непроглядная тьма прямо перед ним, легко вылило скорбь наружу. Осознав, что горячие слезы каплют из его глаз, Идрен поспешно сделал глубокий вдох. Слегка откинув голову назад, он пробормотал:

- Нет, должно быть, просто я тебе не нравился. Я никогда не был удовлетворительным, что бы я ни делал, верно...?

Иначе она не бросила бы его вот так, без всякого предупреждения.

Идрен украдкой взглянул на расплывчатое видение перед собой: кричал в колодец этой ночью кому-то, кто уже умер. Это было действительно худшее.

Сделав глубокий вдох, Идрен заговорила дрожащим голосом:

- ...Теперь ты мне тоже не нравишься.

Но какая разница, не любить кого-то, кто уже мертв?

Идрен, успокоив свое прерывистое дыхание, снова прислонился спиной к колодцу. Он опустил взгляд на кольцо в своей руке. Желтый драгоценный камень, символизирующий трон, светился в темноте.

«Какой во всем этом был смысл?» – внезапно он так подумал. Сидя на троне, он был всё так же несчастен, как и тогда, когда был всего лишь незаконнорожденным ребёнком короля.

Единственная вещь, которую он по-настоящему желал, ускользнула у него из рук, так и не будучи пойманной, и человек, который, как он верил, мог бы ориентироваться в темноте вместе с ним, в конечном итоге, пронзил его более глубокой стрелой.

Тем не менее, более ироничной вещью было то, что даже в этот момент то, чего он желал, было предопределено. Несмотря на то, что Идрен знал, как ужасно Офелия обошлась с ним, он всё ещё хотел знать, почему она умерла. Он хотел знать, что он сделал не так, чтобы его бросили.

Это было, когда массивное кольцо выскользнуло из его рук.

Когда тяжелое кольцо упало в темноту, Идрен бессознательно протянул руку. Почти одновременно он понял, что сам стремительно падает в чёрную дыру.

<http://tl.rulate.ru/book/104675/3671543>